

УДК 1/3+327.8

UDC 1/3+327.8

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНОЙ
СФЕРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ:
РОССИЙСКИЙ, ЗАПАДНЫЙ
И КИТАЙСКИЙ ПОДХОДЫ****DEFINITION OF HUMANITARIAN
SPHERE IN POLITICAL SCIENCE:
RUSSIAN, WESTERN
AND CHINESE APPROACHES****И. А. Чувилев,***аспирант кафедры политологии БГЭУ***I. Chuvilov,***Postgraduate Student of the Department
of Political Science, BSEU*

Поступила в редакцию 16.04.21.

Received on 16.04.21.

Статья посвящена анализу понятий «гуманитарный» и «гуманитарная сфера» в международных отношениях. Рассмотрены подходы к данным понятиям в российской, западной и китайской академической средах, определены их сходства и различия. Автор статьи также акцентирует внимание на важной роли гуманитарной сферы в реализации Китаем инициативы «Пояс – путь».

Ключевые слова: гуманитарная сфера, российский подход, западный подход, китайский подход, Китай.

The article is devoted to the analysis of the notions “humanitarian” and “humanitarian sphere” in international relations. It considers approaches to the given notions in Russian, Western and Chinese environments, defines their similarities and differences. The author of the article also accentuates the attention on the important role of humanitarian sphere in China’s realization of the initiative “Belt – Way”.

Keywords: humanitarian sphere, Russian approach, Western approach, Chinese approach, China.

Введение. Определение сути исследуемых в политической науке понятий является неотъемлемым звеном в длинной цепочке структурирования логики развития рассматриваемых событий. Понятие «гуманитарный» с завидной регулярностью используется как в научном дискурсе, так и повседневной жизни современного человека. В области политической науки, исследований международных отношений данное понятие вошло в состав таких терминов, как «гуманитарная сфера», «гуманитарная дипломатия», «гуманитарное сотрудничество», «культурно-гуманитарное сотрудничество», «гуманитарная интервенция», «гуманитарная катастрофа», «гуманитарная помощь» и др. При этом именно «гуманитарная сфера» является основным понятием в данной цепочке, охватывающим все остальные смысловые направления этого термина. Понятие «гуманитарная сфера» имеет различные интерпретации среди китайских, западных и российских исследователей. Целью данной статьи является анализ российского, западного и китайского подходов к определению понятия «гуманитарная сфера». Для написания статьи автором были проанализированы научные работы российских, западных и китайских исследователей, которые впоследствии послужили основой для выделения соответствующих подходов.

Основная часть. Белорусский исследователь кандидат исторических наук, доцент А. С. Дударенок в гуманитарную сферу международных отношений включает такие аспекты взаимодействия государств, как «права человека, сохранение национальной самобытности, обмен достижениями науки, культуры, образования, медицины, спорта и туризма, снижение уровня бедности и безработицы, развитие трансграничных и региональных связей, устранение национальной и религиозной вражды, урегулирование межгосударственных противоречий, борьба с эпидемиями, взаимодействие в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [1, с. 126]. В подобном толковании нашли отражение российский, западный и китайский подходы.

Гуманитарная сфера представляет собой как основу, так и особое поле для гуманитарного сотрудничества. Поэтому представляется необходимым рассмотреть определение понятия «гуманитарное сотрудничество». Кандидат политических наук А. А. Великая в статье «Международное гуманитарное сотрудничество: политические аспекты отечественных и западных подходов» проводит разделительную линию между подходами российских и западных исследователей к анализу международного гуманитарного сотрудничества, которое является состав-

ным элементом в парадигме гуманитарной сферы. Исследователь отмечает, что в западной политической мысли гуманитарное сотрудничество трактуется в первую очередь как часть «оказания гуманитарной помощи постконфликтным обществам» и политики по защите прав человека [2, с. 65]. В российской политической науке, согласно исследованиям А. А. Великой, под гуманитарным сотрудничеством понимается «взаимодействие, в первую очередь, на межгосударственном уровне, хотя и с привлечением «горизонтальных контактов» в социально-экономической сфере: в области науки, культуры, искусства, массовых коммуникаций» [2, с. 66]. А. А. Великая выражает сомнения в действенности западного подхода к гуманитарному сотрудничеству, когда во время гуманитарных интервенций с целью урегулирования конфликтных ситуаций в определенных странах «гуманитарная стратегия на деле становится частью военной, а функции неправительственных организаций в гуманитарной сфере постепенно переходят к вооруженным силам, действующим на территории суверенного государства» [2, с. 66].

Доктор политических наук, профессор М. М. Лебедева в соавторстве с кандидатом политических наук Л. Р. Рустамовой в статье «Трансформация социально-гуманитарной сферы мировой политики: последствия для России» рассматривает гуманитарную сферу мировой политики в синтезе с социальной, приходя к заключению, что изучение данной сферы в политической и исторической науках является относительно новым направлением, так как «такие вопросы, как образование и наука, спорт, культура, туризм, гуманитарное сотрудничество, здравоохранение, входящие в предметную область социально-гуманитарной сферы, не привлекали к себе повышенного внимания экспертов-международников, ранее больше проявлявших интерес к традиционным вопросам войны и мира» [3, с. 117]. В их работе отмечается, что социально-гуманитарная сфера представлена «образованием, наукой, культурой, здравоохранением, спортом, борьбой с бедностью, распространением наркотиков и т. п.» [3, с. 124].

Гуманитарная сфера выступает как основная область для применения инструментов «мягкой силы» государства в его внешнеполитических сношениях. Доктор политических наук, профессор, декан факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ло-

моносова И. В. Ильин и доктор политических наук, профессор того же факультета О. Г. Леонова выделяют гуманитарные технологии в качестве важного инструмента в гуманитарной сфере международной политики [4, с. 4]. По их мнению, гуманитарные технологии представляют собой «часть коммуникационной практики, использующей социокультурные факторы и опирающейся в процессе политического диалога на глобальные универсальные ценности; гуманитарные технологии их интерпретации не рассматриваются как некая «гуманитарная интервенция», а представляют процесс коммуникации через всеобщее и равноправное участие, когда смысл деятельности или стратегия поведения данной страны не навязывается партнерам извне, а порождается самими участниками диалога с помощью коллективного поиска и затем погружения в общий социокультурный контекст, сформированный глобальными универсальными ценностями» [4, с. 5].

В российской политической науке встречаются исследователи, которые к гуманитарной сфере международной политики также относят вопросы, связанные с безопасностью, урегулированием кризисных и чрезвычайных ситуаций, правами человека. Ярким примером является работа Е. С. Громогласовой «Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования». Исследователь рассматривает не просто гуманитарную сферу, а отдельное ее направление – гуманитарную дипломатию – и концептуализирует последнее понятие «через призму современных транснациональных гуманитарных вызовов», к которым относит «вооруженные конфликты и их последствия (вынужденное перемещение, разрушение социальной инфраструктуры), распространение инфекционных заболеваний, низкий уровень социально-экономического развития отдельных стран и регионов мира и бедность, другие нетрадиционные угрозы безопасности (терроризм, оргпреступность, торговля людьми и др.), стихийные бедствия, последствия климатических изменений в целом и др.» [5, с. 6]. В итоге гуманитарная дипломатия определяется Е. С. Громогласовой не как форма взаимодействия государств в сфере культуры, искусств, образования, науки, а как ненасильственная составляющая внешней политики, направленная на обеспечение безопасности и благополучия человека как

биологической и социальной формы жизни [5, с. 6].

В западной политической науке понятие «гуманитарная сфера» рассматривается как область взаимодействия между акторами международных отношений по вопросам урегулирования кризисных ситуаций, оказания гуманитарной помощи, защиты прав человека и т. д. Действуют учреждения по изучению гуманитарных вопросов и проблем по их разрешению, например, Центр по международному гуманитарному сотрудничеству (Center for international humanitarian cooperation), Институт международных гуманитарных отношений (Institute of international humanitarian affairs), Центр исследований гуманитарной помощи (Humanitarian aid studies center of KALU Institute). Деятельность учреждений направлена в первую очередь на защиту прав уязвимых слоев населения в странах, где случаются природные катаклизмы, идут военные действия. Так, Центр по международному гуманитарному сотрудничеству, основанный в 1992 г., ставит своей целью восстановление мира в странах, которые пострадали от вооруженных конфликтов, стихийных бедствий, а также насилия [6].

Австралийский исследователь международных отношений и внешней политики государств, доцент Дж. О'Хаган (Jacinta O'Hagan) рассматривает гуманитарную сферу в мировой политике через призму концепции гуманности и эмпатии в межчеловеческом общении и международных контактах. В области мировой политики исследователь определяет гуманитарную сферу посредством гуманитарной дипломатии, подчеркивая, что «гуманитарная дипломатия дает государствам возможность выразить важные качества международного сочувствия и солидарности, которые основываются на фундаментальных человеческих эмоциях. Такие выражения сочувствия и поддержки не только повышают международную репутацию государства, но и предоставляют ценные средства для построения доверительных и партнерских отношений, которые могут способствовать достижению более широкой внешнеполитической цели государства – укреплению национальных интересов» [7].

Дж. Най рассматривает категорию «гуманитарный» в сочетании с понятиями «интервенция», «катастрофа», «помощь». Политолог указывает на тот факт, что в современной мировой политике наиболее острые дискус-

сии сложились вокруг толкования понятий «суверенитет», «гуманитарная интервенция», «права человека» [8, с. 9]. В своих исследованиях Дж. Най рассматривает гуманитарную сферу в качестве элемента предотвращения нарушения прав человека и их защиты в условиях конфликта либо катаклизмов.

Одним из наиболее продуктивных и ведущих плодотворную научную деятельность по гуманитарным вопросам ученых является Антонио Де Лаури, получивший в 2010 г. степень кандидата наук (PhD) за исследование «Гуманитарные науки: антропология современности» [9]. Антонио Де Лаури осуществляет исследования гуманитарных вопросов в Институте Кристиана Микельсена (CMI), расположенного в Норвегии. Он является директором Норвежского центра гуманитарных исследований и соучредителем Сети антропологии гуманитарной деятельности (AHN) Европейской ассоциации социальных антропологов (EASA) [9]. «Современный гуманизм, – считает Антонио Де Лаури, – часто описывается как сила, которая во имя находящегося под угрозой человечества выходит за пределы обнесенного стеной пространства как национальных, так и международных систем» [10, с. 2].

Для Китайской Народной Республики, которая уже вышла по ряду экономических показателей на передовые позиции в мире, социально-гуманитарная проблематика становится важнейшим дополнительным инструментом позиционирования в мире.

Китайский подход к определению гуманитарной сферы вобрал в себя отчасти характеристики российского подхода, при этом сохранил свои отличительные черты. В Китае в гуманитарную сферу мировой политики принято относить взаимодействие акторов международной системы в области культуры, искусства, науки, образования, спорта и т. п. При этом главное отличие китайского подхода состоит в том, что в гуманитарную сферу китайские исследователи также относят традиционные философские категории, которые составляют базис для формирования всех аспектов гуманитарной сферы. Вопрос защиты прав человека в его западной либеральной интерпретации не рассматривается китайскими учеными в качестве элемента гуманитарной сферы. Китайский подход к правам человека необходимо анализировать, опираясь на традиционную китайскую специфику. Доктор политических наук, профессор Ю. И. Малевич в статье «Незапад-

ная концепция прав человека» аргументирует множественность трактовок и подходов к определению феномена прав человека, а также утверждает, что различия между подходами к определению прав человека «отражают различия в социальной структуре более, чем географические особенности (т. е. различия между востоком и западом, севером и югом)» [11, с. 29].

В Китае понятие «гуманитарный» практически синонимично понятию «гуманный», и все аспекты взаимодействия Китая на международной арене в гуманитарной сфере позиционируются как «гуманные». В китайской философской, а впоследствии и политической мысли категория «гуманистический», «гуманитарный», «гуманизм» возникли достаточно давно. Одним из первых это многогранное понятие систематизировал и выделил в отдельное философское направление известный китайский философ Конфуций. Общеизвестно, что понятие «гуманитарный» в первую очередь связано с понятием «человек», определяет человека и направляет его деятельность. В древней китайской философско-политической мысли многие задавались вопросом, что значит быть человеком, человеческим. «Быть человеческим – значит победить себя и обратиться к ритуалу. Если однажды победишь себя и обратишься к ритуалу, все в Поднебесной признают, что ты человек. От самого себя, не от других, зависит обретение человечности», – говорил Конфуций [12, с. 97]. Философ также отмечал, что человечность – «это когда ведут себя на людях так, словно вышли встретить важную персону, руководят народом так, словно совершают важный жертвенный обряд: не делают другим того, что не хотят себе; не вызывают ропота в стране, не вызывают ропота в семействе» [12, с. 97].

В конфуцианстве выработана понятийная категория «жэнь», означающая «уважение», «доброту» к человеку. Исследователь Линь Жофу в статье «Гуманистическая идея Конфуция: истоки китайского гуманизма» отмечает, что Конфуций сделал категорию «жэнь» центром своей философской идеи и «великой отправной точкой гуманизма в истории древнекитайской мысли» [13, с. 12]. Основа философской мысли Конфуция и Мэн-цзы – это гуманизм, и, по мнению Линь Жофу, философия «жэнь» и гуманизма этих философов – это «высшая и последняя надежда человеческого общества; она должна и даже обязана быть духовным богат-

ством китайской нации и даже всего человечества» [13, с. 12].

В Китае понятие «гуманитарный» из философии плавно перешло в политическое учение, хотя зачастую очень сложно провести между ними четкую грань. В современной политической культуре Китая чрезвычайно велико влияние конфуцианства. Председатель Китайской Народной Республики (КНР) Си Цзиньпин в 2013 г. посетил родину Конфуция, отметив, что изучение Конфуция и конфуцианства должно основываться на правилах: заставлять прошлое служить настоящему и отбрасывать ненужное, сохраняя при этом самое главное, чтобы мысли известного философа древнего Китая могли оказать положительное влияние на сегодняшний день [14].

В китайской политической мысли так же, как и на Западе, укрепилось понятие «мягкой силы» государства в международных отношениях. Общепринято считать, что гуманитарная сфера в международных отношениях сводится к использованию инструментов «мягкой силы», например, в области культуры, искусства и образования. В перечне наиболее обширным и масштабным представляется взаимодействие акторов международной системы в культурной сфере, так как именно культура пронизывает все сферы жизнедеятельности человека и общества. Профессор института международных отношений университета Цинхуа Янь Сюетун отказывается признавать культуру как основу «мягкой силы» во внешней политике Китая. По его мнению, политическое лидерство – это и есть «мягкая сила» [15]. Он умаляет роль Институтов Конфуция в реализации внешнеполитических инициатив Китая: «Я не думаю, что эти институты Конфуция будут играть очень важную роль в улучшении мягкой силы Китая» [15].

После выдвижения в 2013 г. идеи создания Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI в., которые впоследствии преобразовались в инициативу «Пояс – путь» (ИПП), роль гуманитарной сферы во внешней политике Китая возросла. ИПП как флагманская внешнеполитическая инициатива Китая – это наиболее репрезентативный пример колоссальной важности гуманитарной сферы для внешней политики КНР. На примере ИПП можно проследить, как возросло внимание политических элит КНР к гуманитарной составляющей инициативы: интенсифицируются куль-

турные, художественные, образовательные обмены, возрастающее значение гуманитарной сферы не раз упоминалось в официальных обращениях председателя КНР Си Цзиньпина, в документах инициативы «Пояс – путь».

Заключение. Таким образом, можно констатировать наличие существенных отличий в российском, западном и китайском подходах к определению понятия «гуманитарная сфера». Российский подход сосредотачивается на культуре, искусстве, образовании,

науке, туризме и спорте, западный – на правах человека, их защите во время кризисных ситуаций. Китайский подход аккумулирует наработки российского подхода с учетом особенностей китайской национально-исторической и философской специфики. Нельзя делать категоричные заключения о правомерности определенного из трёх выделенных подходов: каждый из них находит своих последователей и сторонников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дударенко, А. С. Влияние гуманитарного сотрудничества на внешнюю политику и безопасность Индии / А. С. Дударенко // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2011. – Вып. 6. – С. 126–133.
2. Великая, А. А. Международное гуманитарное сотрудничество: политические аспекты отечественных и западных подходов / А. А. Великая // Право и управление. XXI век. – 2012. – № 3(24). – С. 63–72.
3. Лебедева, М. М. Трансформация социально-гуманитарной сферы мировой политики: последствия для России / М. М. Лебедева, Л. Р. Рустамова // Вестник МГИМО Университета. – 2018. – № 5 (62). – С. 114–130.
4. Ильин, И. В. Глобальные универсальные ценности и гуманитарные технологии в международной политике / И. В. Ильин, О. Г. Леонова // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2018. – №1. – С. 3–10.
5. Громогласова, Е. С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования. – М. : ИМЭМО РАН, 2018. – 124 с.
6. Our mission [Electronic resource] // Center for international humanitarian cooperation (CIHC). – Mode of access: <http://www.cihc.org/whatwedo>. – Date of access: 14.07.2020.
7. O'Hagan, J. The Challenge of Humanitarian Diplomacy [Electronic resource] / J. O'Hagan // Australian Institute of International Affairs. – Mode of access: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/the-challenge-of-humanitarian-diplomacy/>. – Date of access: 28.12.2020.
8. Nye, J. S. Understanding global conflict and cooperation: an introduction to theory and history (tenth edition) / J.S. Nye, D.A. Welch. – Boston: Pearson, 2017. – 424 p.
9. Antonio De Lauri [Electronic resource] // CMI – Chr. Michelsen Institute. – Mode of access: <https://www.cmi.no/staff/antonio-de-lauri>. – Date of access: 16.09.2020.
10. De Lauri, A. Humanitarian borders: The merging of rescue with security and control / A. De Lauri // CMI (Chr. Michelsen Institute) Brief. – 2018. – №11. – Pp. 1–4.
11. Малевич, Ю. И. Незападная концепция прав человека / Ю. И. Малевич // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1998. – № 5: Специальный выпуск к 50-летию Всеобщей декларации прав человека. – С. 26–33.

REFERENCES

1. Dudarjonok, A. S. Vlijanie gumanitarnogo sotrudnichestva na vneshnjuju politiku i bezopasnost' Indii / A. S. Dudarjonok // Pracy gistorychnaga fakul'tjeta BDU : navuk. zb. / rjedkal.: U.K. Korshuk (adk. rjed.) [i insh.]. – Minsk: BDU, 2011. – Vyp. 6. – S. 126–133.
2. Velikaja, A. A. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe sotrudnichestvo: politicheskie aspekty otechestvennyh i zapadnyh podhodov / A. A. Velikaja // Pravo i upravlenie. XXI vek. – 2012. – № 3(24). – S. 63–72.
3. Lebedeva, M. M. Transformacija social'no-gumanitarnoj sfery mirovoj politiki: posledstviya dlja Rossii / M. M. Lebedeva, L. R. Rustamova // Vestnik MGIMO Universiteta. – 2018. – № 5 (62). – S. 114–130.
4. Il'in, I. V. Global'nye universal'nye cennosti i gumanitarnye tehnologii v mezhdunarodnoj politike / I.V. Il'in, O.G. Leonova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 27. Globalistika i geopolitika. – 2018. – №1. – S. 3–10.
5. Gromoglasova, E. S. Gumanitarnaja diplomatija v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah: opyt sistemnogo issledovanija. – M. : IMJeMO RAN, 2018. – 124 s.
6. Our mission [Electronic resource] // Center for international humanitarian cooperation (CIHC). – Mode of access: <http://www.cihc.org/whatwedo>. – Date of access: 14.07.2020.
7. O'Hagan, J. The Challenge of Humanitarian Diplomacy [Electronic resource] / J. O'Hagan // Australian Institute of International Affairs. – Mode of access: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/the-challenge-of-humanitarian-diplomacy/>. – Date of access: 28.12.2020.
8. Nye, J. S. Understanding global conflict and cooperation: an introduction to theory and history (tenth edition) / J.S. Nye, D.A. Welch. – Boston: Pearson, 2017. – 424 p.
9. Antonio De Lauri [Electronic resource] // CMI – Chr. Michelsen Institute. – Mode of access: <https://www.cmi.no/staff/antonio-de-lauri>. – Date of access: 16.09.2020.
10. De Lauri, A. Humanitarian borders: The merging of rescue with security and control / A. De Lauri // CMI (Chr. Michelsen Institute) Brief. – 2018. – №11. – Pp. 1–4.
11. Malevich, Ju. I. Nezapadnaja koncepcija prav cheloveka / Ju. I. Malevich // Belorusskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij. – 1998. – № 5: Special'nyj vypusk k 50-letiju Vseobshhej deklaracii prav cheloveka. – S. 26–33.

12. Конфуций. Изречения и афоризмы. Лунъюй / Конфуций. – М. : Эксмо, 2014. – 480 с.
13. 林若夫. 孔子的仁学思想 : 中国人道主义学说的渊源 / 林若夫 // 中山大学学报论丛. – 2004. – Vol. 24, № 6. – 8–12页. = Линь, Жофу. Гуманистическая идея Конфуция: истоки китайского гуманизма / Жофу Линь // Журнал Университета Сунь Ятсена. – 2004. – Т. 26, № 6. – С. 8–12.
14. Confucius' lessons still relevant, Xi says [Electronic resource] // China Daily. – Mode of access: https://usa.chinadaily.com.cn/china/2013-11/27/content_17133357.htm. – Date of access: 23.12.2020.
15. Yan, Xuetong. China needs to purchase friendships [Electronic resource] / Xuetong Yan // Carnegie-Tsinghua. Center for global policy. – Mode of access: <https://carnegietsinghua.org/2015/03/02/china-needs-to-purchase-friendships-pub-59225>. – Date of access: 14.01.2021.
12. Konfucij. Izrechenija i aforizmy. Lun'juj / Konfucij. – M. : Jeksmo, 2014. – 480 s.
13. 林若夫. 孔子的仁学思想 : 中国人道主义学说的渊源 / 林若夫 // 中山大学学报论丛. – 2004. – Vol. 24, № 6. – 8–12页. = Lin', Zhofu. Gumanisticheskaja ideja Konfucija: istoki kitajskogo gumanizma / Zhofu Lin' // Zhurnal Universiteta Sun' Jatsena. – 2004. – Т. 26, № 6. – С. 8–12.
14. Confucius' lessons still relevant, Xi says [Electronic resource] // China Daily. – Mode of access: https://usa.chinadaily.com.cn/china/2013-11/27/content_17133357.htm. – Date of access: 23.12.2020.
15. Yan, Xuetong. China needs to purchase friendships [Electronic resource] / Xuetong Yan // Carnegie-Tsinghua. Center for global policy. – Mode of access: <https://carnegietsinghua.org/2015/03/02/china-needs-to-purchase-friendships-pub-59225>. – Date of access: 14.01.2021.